

В. Г. ГРАБИН

Оружие победы

<Фрагменты>

<...>

Решительный час приближался. Комдив Дроздов еще раз проверил, все ли в порядке, обошел каждое орудие и дал последние наставления. Подошел и к нашим пушкам, рассказал красноармейцам, как они должны себя вести, если руководители партии и правительства подойдут к орудиям, и во время стрельбы, хотя и так всем было все ясно. До начала смотра оставались считанные минуты. Я не думал, что по такой дороге, хоть ее и подремонтировали, можно прибыть точно вовремя. Однако вскоре нас предупредили, что придут, как было объявлено. И действительно, буквально за три — пять минут до назначенного срока из проходной на полигоне показалась группа людей. Впереди в кожаном пальто шел К. Е. Ворошилов, несколько позади — И. В. Сталин в сером летнем пальто, в фуражке и в сапогах, рядом шагал В. М. Молотов в темном реглане и в шляпе, чуть поодаль — Г. К. Орджоникидзе в фуражке защитного цвета со звездочкой и в сапогах, почти рядом с ним — В. И. Межлаук в серой шляпе и в сером летнем пальто, а с обеих сторон и сзади шли неизвестные мне военные и штатские.

Подана команда «смирно». Все замерли. Комдив Дроздов, приложив руку к козырьку, пошел навстречу высоким гостям. Не доходя нескольких шагов, остановился:

— Товарищ народный комиссар, материальная часть для осмотра подготовлена...

Приняв рапорт, К. Е. Ворошилов подал команду «вольно». Однако участники показа не почувствовали себя «вольно», все внимание сосредоточилось на руководителях партии и правительства. Они

прошли к правофланговому орудию — к универсальной пушке «Красного путиловца»¹, поздоровались с Махановым, и тот с добродушной улыбкой начал свой доклад. Мне очень хотелось услышать его, но я стоял далековато и почти ничего не слышал. Время идет, а Маханов все рассказывает. По всему видно, что обстановка довольно-таки непринужденная. Часто даже смех раздается. Я почувствовал, что спокойствие ко мне возвращается. Для полного успокоения мне нужно было бы слышать Маханова, который, как видно, довольно подробно касается конструкции отдельных механизмов и агрегатов. Я начал было подумывать о том, что слишком заузил свой доклад, и стал мысленно его расширять, как вдруг слышу:

— Товарищ Маханов, вы слишком подробно... Пожалуйста, нельзя ли покороче?..

Это сказал Ворошилов. Маханов мгновенно умолк, на лице его появилась растерянность. Видя это, Сталин заметил Ворошилову:

— Зачем вы его сбиваете, пусть он докладывает, как приготовился. — И затем Маханову: — Продолжайте!..

Маханов оживился, слегка улыбнулся и стал продолжать. Я думал: как же мне докладывать? Коротко или длинно? Посмотрел, сколько выставлено пушек, и решил: коротко! Ведь предстояла еще стрельба и возка. Длинные доклады могут сорвать полный показ. Но после столь обстоятельного сообщения И. А. Маханова не удивит ли моя предельная краткость? Не подумают ли, что я не приготовился?

Много возникало у меня всяких мыслей, но предупреждение Ворошилова, сделанное Маханову, утвердило во мне принятое решение. Не обо всех пушках можно слушать столь подробно.

Осмотр универсальной пушки окончился, все направились к нашему орудию. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Мысли спутались. Казалось, вот-вот я потеряю самообладание.

Послышался голос Ворошилова:

— Товарищ Грабин, расскажите о своей пушке.

Начал я не сразу. Рука сама было потянулась в карман, где лежала заготовленная шпаргалка, и тут же мне стало стыдно. Что я, не знаю своей пушки?

Сначала заговорил довольно тихо и, наверное, невнятно, потом овладел собой и начал докладывать, стремясь четко сформулировать основные положения.

Начал с пушки Ф-22. Сказал о ее назначении, перечислил основные показатели — габариты, вес в походном и боевом положе-

нии, начальную скорость снаряда, дульную энергию, или, иначе говоря, мощность, которая может быть повышена. Отметил, что примененная нами новая гильза способна вместить увеличенный заряд пороха: повышение мощности пушки может потребоваться для пробивания брони более совершенных танков. Сейчас пушка способна уничтожить любой танк из находящихся на вооружении других армий, но мы думаем, что мощность броневой защиты будет наращиваться и за счет толщины брони, и за счет научно-исследовательских и конструкторских достижений — путем нахождения наиболее невыгодного для снаряда угла встречи с броней, чтобы достичь большего рикошетирования, и за счет повышения качества стали. Подчеркнул большую скорострельность Ф-22 в сравнении с трехдюймовкой и то, что Ф-22 соответствует всем тактико-техническим требованиям Артиллерийского управления НКЮ, предъявленным к полууниверсальной пушке, но она на 550 килограммов легче и создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, что очень существенно, особенно в случае войны. Коротко объяснив устройство главных агрегатов, обратил внимание на то, что ствол имеет свободную трубу, которая при необходимости может быть заменена другой даже в боевой обстановке. Все мои объяснения сопровождались демонстрацией соответствующих механизмов.

Вопросов мне было задано немного. Я не понял, удовлетворил ли всех мой доклад. Руководители партии и правительства направились к следующей нашей пушке, а ко мне подошел директор и сказал, что я был слишком краток и что о второй пушке он сделает сообщение сам. Его заявление меня потрясло. Не успел я опомниться — он уже докладывал. Но и Леонард Антонович проговорил недолго. Все направились к полууниверсальной пушке завода имени Калинина, оттуда стал доноситься голос В. Н. Сидоренко, начальника КБ, а я стоял и тяжело переживал свою неудачу. Очень жалел, что не доложил так же подробно, как Маханов, но уже было поздно. Не пойдешь и не попросишь еще раз выслушать тебя по поводу той же пушки. Не было никакой возможности исправить положение, хоть уходи. В общем, горькие мысли прямо роились в моей усталой голове. Вдруг вижу. Сталин отделился от всей группы и направился в мою сторону.

Что это может значить, почему вдруг он направился опять на правый фланг? Я продолжал стоять в стороне, но все мои мысли, только что меня волновавшие, мгновенно испарились, меня стало

занимать лишь то, что Сталин идет в мою сторону. А Сидоренко продолжает докладывать о своей пушке.

Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей «желтенькой», остановился и стал внимательно знакомиться с ними.

Я все еще стоял в стороне, затем подошел. Сталин обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действие всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

— Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая.

Мне было приятно слышать столь высокую оценку, но я ничего не сказал, а Сталин повернулся и пошел к группе, которая слушала доклад о следующей пушке.

Я тоже присоединился к группе, осматривавшей выставленные орудия. О новых, опытных докладывали конструкторы, а о принятых на вооружение — военные инженеры Артиллерийского управления НКЮ. Подошли к зенитной 76-миллиметровой пушке, установленной на шасси грузового автомобиля. Эта конструкция повторяла решение Ф. Ф. Лендера, который, как известно, установил 76-миллиметровую зенитную пушку на шасси автомобиля еще в годы Первой мировой войны. Орудийному расчету была подана команда занять места для марша. Красноармейцы выполнили команду нечетко, неловко карабкались на платформу. Не понравилось это Семену Михайловичу Буденному. Он подошел к платформе и сказал:

— Вот как нужно исполнять команду!

Не успели оглянуться, а он уже наверху. У него это получилось так ловко, что вызвало одобрительный смех у всех присутствующих. А Буденный сидит на платформе и поглаживает свои лихие усы. Красноармейцы не сумели повторить вскок столь же четко, как это вышло у него².

Затем направились к 122-миллиметровой корпусной пушке А-19, находящейся на вооружении армии, осмотрели еще ряд орудий, в том числе 203-миллиметровую гаубицу Б-4. За это время не было ни одного перерыва на отдых. Наконец пришли к последнему орудью большой мощности. Докладывал начальник КБ Магдасеев. Он был краток. Орудие произвело благоприятное

впечатление. Сталин поговорил с рабочими завода, среди которых были и пожилые и молодежь. Поинтересовался, как старшие передают свой опыт молодым и как молодые его воспринимают. В конце беседы сказал:

— Хорошо, что вы дружно работаете. Всякая, даже маленькая драчка пагубно отражается на деле.

На этом ознакомление с материальной частью артиллерии было закончено. Руководители партии и правительства и другие товарищи направились к блиндажам, чтобы оттуда наблюдать стрельбу. Когда они вошли в блиндажи, на огневой позиции раздалась команда «к бою». Орудийные расчеты бросились к пушкам. Артиллеристы действовали четко и только на правом фланге замешкались: не могли перевести 76-миллиметровую универсальную пушку завода «Красный путиловец» из походного положения в боевое. Внимание всех невольно сосредоточилось на этом. Маханов волновался, однако помочь ничем не мог. Я хорошо понимал его. Любой конструктор остро переживал бы такую неприятность. Через несколько минут нервы Маханова не выдержали, и он, что называется, хватил через край: во всеуслышание заявил, что орудийный расчет никуда не годится. Все на полигоне посмотрели на него с укоризной

Наконец с помощью рабочих орудийный расчет справился — перевел пушку из походного в боевое положение. Но эта заминка, а особенно заявление Маханова оставили неприятный осадок.

Как только орудие подготовили к бою, последовала команда «огонь». Все прильнули к щелям. Грянул выстрел. Полуавтоматический затвор не сработал. Замковый вручную открыл затвор и выбросил гильзу. Последовал второй выстрел, затем третий... Полуавтоматический затвор чаще отказывал, чем работал. Наконец было сделано положенное число выстрелов, подали команду «отбой».

Надо сказать, не только Маханов переживал неудачу, но и я вместе с ним: как-то поведет себя полуавтоматический затвор на наших пушках? И вот команда нашему орудью: «Огонь!» Орудийный расчет выполнил команду четко, это было приятно, но нервы мои сильно напряглись.

— Орудие!

Грянул выстрел, полуавтоматический затвор сработал. Затем второй, третий выстрел и последний.

Все в порядке. От волнения и радости у меня даже дух захватило. Как только орудие умолкло, Сталин сказал Маханову:

— Ваша пушка отказывала, а пушка Грабина работала четко, даже приятно было смотреть.

— Грабин — мой ученик, — ответил Маханов.

— Это хорошо, — сказал Сталин, — но он вас обскакал.

Стрельба продолжалась. Это было зрелище внушительное. Началось с 76-миллиметровых пушек и закончилось самыми крупными калибрами. Трудно передать словами всю красоту этой стрельбы — она показывала, насколько мощна наша артиллерия. Когда закончилась стрельба из последнего орудия, Сталин произнес: «Все!» — и отошел от амбразуры. Выйдя из блиндажа, заговорил негромко, как бы думая вслух:

— Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибиться бы при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но они уже есть. Их надо растить.

Мы с Махановым шли рядом с ним, я справа, а он слева, но ни я, ни он не промолвили ни слова — было ясно, что Сталин не с нами ведет этот разговор.

Потом он остановился. Остановились и мы. Сталин сказал:

— Познакомьтесь друг с другом.

Мы в один голос ответили, что давно друг с другом знакомы.

— Это я знаю, — сказал Сталин, — а вы при мне познакомьтесь.

Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, и мы пожали друг другу руки.

— Ну, вот и хорошо, что вы при мне познакомились, — сказал Сталин.

Я не мог ничего понять.

Сталин обнял нас обоих за талии, и мы пошли по направлению к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин опять остановился и сказал:

— Товарищ Маханов, покритикуйте пушки Грабина.

Этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

— О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

— Товарищ Грабин, покритикуйте пушки Маханова.

Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

— Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел о том, что сказал. «Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, — рассуждал я мысленно, — ну, а раз спросили!..»

Помолчав немного, Сталин предложил мне:

— А теперь покритикуйте свои пушки.

Этого я уже совершенно не ожидал. Ждал или не ждал — неважно. Умел критиковать чужую пушку, сумею покритиковать и свои.

И тут меня очень выручил стиль нашей работы — то, что мы всегда объективно оценивали нами сделанное. Строго оценили на описанном мною совещании и эти пушки. Я рассказал о недостатках. Перечисляя их, объяснял, как они могут быть устранены, и в заключение сказал, что устранение дефектов значительно улучшит боевые качества пушек. От своей самокритики я даже вспотел. Сталин сказал:

— Хорошо вы покритиковали свои пушки. Это похвально. Хорошо, что, создав пушки, вы видите, как они могут быть улучшены. Это значит, что ваш коллектив будет расти, прогрессировать. А какую из ваших пушек вы рекомендуете принять на вооружение?

Опять неожиданный вопрос. Я молчал. Сталин спросил еще раз. Тогда я сказал, что надо бы прежде испытать пушки, а потом уже давать рекомендации.

— Это верно, но учтите, что нам нужно торопиться. Времени много ушло, и оно нас не ждет. Какую же вы рекомендуете?

Я сказал, что рекомендую «желтенькую».

— А почему именно эту, а не другую?

— Она лучше, чем Ф-20.

— А почему она лучше?

— Ф-22 мы проектировали позже, чем Ф-20, учли и устранили многие недостатки.

— Это хорошо. А теперь мы отправим вашу пушку в Ленинград, пусть военные ее испытают. Я правильно понял вас, что в ней нет ничего заграничного?

— Да, товарищ Сталин, она создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании.

— Это замечательно, — сказал Сталин.

Похвалу слышать было приятно, но отдавать военным для испытаний опытный образец пушки — такого в практике проекти-

рования никогда не было. Всегда КБ предварительно отлаживало, испытывало опытный образец, а потом сдавало его заказчику. Никогда еще не бывало, чтобы опытный образец без заводских испытаний был направлен на полигонные.

— Ну что ж, не бывало, так будет, — сказал Сталин.

Я пытался доказать, что совместить заводские испытания с полигонными невозможно: у каждой организации свой подход. Когда завод испытывает и обнаруживает дефекты, он их устраняет и изменяет чертежи, то есть по ходу испытаний дорабатывает пушку. Полигон же стремится выявить в новой пушке как можно больше дефектов и все, что выявляет, записывает, после чего делает свои предложения и выводы. Я боюсь, что мы не сумеем одновременно испытывать и дорабатывать пушку. Как бы не удлинился период отработки и испытания. Не хотелось мне говорить, что Ф-22 сделана без согласования с Артиллерийским управлением, что она спроектирована и изготовлена по инициативе КБ и с разрешения Орджоникидзе. Не хотелось выступать с пушкой, которая сделала всего лишь пять выстрелов и совершенно не прошла никакой обкатки.

— Поймите, — сказал Сталин, — что нужно экономить время, иначе можно опоздать. Отправим пушку сразу на полигон, ускорим решение вопроса...

Лишь впоследствии я понял весь смысл этих слов: «Нужно экономить время, иначе можно опоздать». Центральный Комитет партии видел гораздо яснее и дальше нас, рядовых коммунистов. Конечно, мы тоже с тревогой следили за тем, как германские фашисты накапливают силы. 13 марта 1935 года они объявили о создании запрещенных Версальским мирным договором германских военно-воздушных сил. Через три дня Гитлер ввел всеобщую воинскую повинность и заявил, что будет создана армия в 500 тысяч человек. Зловеще прозвучали его слова в рейхстаге, о которых сообщила газета «За индустриализацию» 23 мая 1935 года, всего за три недели до смотра нашим правительством образцов новых артиллерийских орудий. «Как мы, так и большевики убедились в том, — заявил Гитлер, — что между нами существует пропасть, через которую никогда не может быть мостов». При этом он добавил, что для национал-социализма недопустимо миролюбивое отношение к большевизму: «...мы являемся его злейшим и наиболее фанатичным врагом».

Центральный Комитет нашей партии предвидел развитие событий истории и готовил страну к обороне. Мало кто был посвящен

в дело ввиду строжайшей его секретности, но оно делалось неустанно и последовательно изо дня в день... Я — один из немногих, кто может рассказать на примере работы Приволжского завода о путях развития отечественной дивизионной, танковой, противотанковой и некоторых других видов артиллерии в 30-х годах, о том, как создавались их образцы, как готовились и воспитывались кадры.

Итак, мне было отрадно, что предпочтение отдано нашей пушке, созданной вразрез с идеей универсализма. И я прекратил свои возражения, поняв, что они неуместны. Мы направились к универсальной пушке Маханова. К ней уже была подана упряжка лошадей. И на этот раз тоже произошла неприятность. упряжка не могла стронуть универсальную пушку с места, а наша пушка пошла спокойно. Не выдержал Маханов и заявил, что кони к его пушке поданы плохие. Сталин посмотрел на него и сказал:

— Вам и людей плохих дали и коней плохих... Все плохое. А Грабину все подходит: и люди и кони, он ни разу никого не охаял.

Постепенно все пушки вытягивались в колонну и шли по заданному маршруту. Руководители партии и правительства, все гости поднялись на пригорок и наблюдали за движением колонны. Зрелище было прекрасное. Слышны были восторженные отзывы. В этой колонне шли и наши три пушки, особенно выделялась на зеленом фоне «желтенькая». Любуясь этим необыкновенным парадом, я заметил, что у одной из наших пушек ствол вроде бы поднялся кверху. Я так и замер. Не дай бог, люлька за что-нибудь зацепится своими клыками — будет беда! Теперь уже не красота происходящего влекла меня к себе — взгляд мой не мог оторваться от качающегося ствола одной из наших пушек.

Что же произошло? Орудийный расчет не закрепил балку по-походному. При движении пушку тряхнуло, и некоторые части механизма, которые должны быть сцеплены, расцепились. К счастью, до конца обкатки оставался небольшой и ровный участок дороги, и все кончилось благополучно.

Обкатка была последней, завершающей частью программы. Руководители партии и правительства сфотографировались со всеми участниками показа материальной части советской артиллерии, поблагодарили нас, распрощались и уехали.

До возвращения в гостиницу у меня не было возможности осмыслить все, что произошло за день. Да и в гостинице физическая усталость брала свое. Но события дня были столь необычны! Впечатлений было очень много. Из руководителей партии и прави-

тельства я до этого дня видел только Ворошилова — он выступал у нас в Артиллерийской академии. Всех остальных — впервые.

Лишь постепенно переключился я на подготовку к следующему дню. Привел в систему свои соображения о наших пушках и пушках «конкурентов». Достал свой письменный доклад, ту самую «шпаргалку», внимательно его прочитал и сопоставил с тем, что доложил на полигоне, наметил вопросы, на которых следует остановиться на заседании в Кремле. Впервые я буду участвовать в столь высоком и ответственном заседании. Как нужно на нем выступать? А выступать придется. Хорошо бы не первым, послушать бы сначала, как выступают другие. Снова все, что собирался сказать, записал и положил в карман Лег поздно, желая поскорее заснуть, чтобы встать на следующий день со свежей головой, но уснуть не мог долго...

<...>

Вел совещание Молотов. Он объявил, какой рассматривается вопрос, и предоставил слово комкору Ефимову. Тот доложил кратко. Он рекомендовал принять на вооружение 76-миллиметровую универсальную пушку завода «Красный путиловец». После его доклада выступали военные специалисты, которые поддерживали предложение Ефимова. Затем слово было предоставлено Маханову. Тот кратко рассказал о пушке и подчеркнул большие преимущества именно универсальной дивизионной пушки. После него было предоставлено слово Сидоренко, который рекомендовал свою 76-миллиметровую полууниверсальную пушку 25 К. Он хорошо ее охарактеризовал и заявил, что полууниверсальная пушка лучше универсальной и что по этому пути идет и Англия. После него выступали многие, но никто не рекомендовал ни нашу Ф-22, ни даже полууниверсальную Ф-20. Все пели гимны универсальной пушке. Только в ней выступающие видели то, что нужно армии. Сталин непрерывно расхаживал по залу. Несколько раз он подходил ко мне и задавал вопросы, относящиеся к нашей пушке, а также к универсальной и полууниверсальной. Когда он первый раз остановился у спинки моего стула и, наклонившись, спросил: «Скажите, какая дальность боя у вашей пушки и ее вес?» — я попытался встать, но он прижал руками мои плечи: «Сидите, пожалуйста». Пришлось отвечать сидя. Сталин поблагодарил, отошел и продолжал расхаживать.

После выступления инспектора артиллерии Роговского, который высказался за универсальную пушку, Молотов объявил:

— Слово предоставляется конструктору Грабину. Я даже вздрогнул. До стола председательствующего, куда выходили все выступавшие, шел, как во сне, никого не видя и ничего не слыша. Путь показался мне очень долгим.

Заговорил я не сразу. Трудность заключалась не только в том, что я впервые выступал на таком совещании, но и в том, что специальная дивизионная пушка никого не интересовала. Можно ли было рассчитывать на успех? Не сразу начал я говорить о Ф-22, а взялся сперва за самый корень — за универсализм и универсальную пушку.

— Да, всем известно, что США занимаются разработкой дивизионной универсальной пушки. Но мы не знаем, приняли ли они на вооружение хотя бы одну из трех своих универсальных пушек: Т-1, Т-2 или Т-3. Полагаю, это у них поисковые работы. Трудно допустить, что после всестороннего анализа универсальной дивизионной пушки они не откажутся от нее. А мы гонимся за ними, американская идея универсализма стала у нас модной.

Я разобрал по очереди все недостатки универсальной пушки — тактическо-служебные, экономические (слишком дорогая для массовой дивизионной) и конструктивные. А затем описал нашу 76-миллиметровую пушку Ф-22, указав на ее преимущества по сравнению с универсальной и полууниверсальной пушками.

После меня выступили Радкевич, заместитель начальника Главного военно-мобилизационного управления Артамонов. Он напомнил, что в Первую мировую войну трехдюймовые скорострельные пушки, легкие и мощные, показывали чудеса в бою. Батареи трехдюймовок появлялись там, где их трудно было даже ожидать, и наносили сокрушающие удары по живой силе и технике противника. — Предлагаемая на вооружение 76-миллиметровая универсальная пушка, — сказал он, — очень сложна и тяжела, она не сможет сопровождать колесами наступающую пехоту.

Артамонов дал высокую оценку 76-миллиметровой пушке Ф-22 и рекомендовал принять ее на вооружение.

Во время выступления Артамонова Сталин подошел к председательскому столу. Сидевший за ним Молотов сказал Сталину:

— Некоторые товарищи просят разрешения выступить еще раз, а время уже позднее.

Сталин ответил:

— Надо разрешить. Это поможет нам лучше разобраться и принять правильное решение.

Стали выступать по второму разу. Маханов продолжал защищать свою универсальную пушку, утверждая, что та лучше всех способна решать современные задачи дивизионной пушки. Под конец он заявил:

— США занимаются созданием универсальной пушки. Я разделяю их точку зрения.

Мне тоже было вторично предоставлено слово. Я обратил внимание присутствующих на то, что дивизионная пушка специального назначения Ф-22 конструктивно решена так, чтобы лучше, быстрее и с наименьшей затратой боеприпасов решать боевые задачи, — это во-первых; во-вторых, чтобы по весу и ходовым качествам удовлетворять требованиям пехоты; в-третьих, она дешевая. И затем сказал, что если США и занимаются созданием универсальной пушки, то это еще не значит, что мы должны слепо копировать их.

Кстати, позже выяснилось: США вступили во вторую мировую войну, не имея на вооружении этой, столь расхваленной у нас универсальной пушки.

Совещание в Кремле проходило очень активно, все держались непринужденно. Мои опасения, что я не сумею совладать с собой, исчезли уже в начале первого моего выступления, а во время второго я совершенно не чувствовал себя связанным и высказывал все, что считал необходимым для правильного решения вопроса. Заседание затянулось, а Сталин по-прежнему неумолимо ходил, внимательно слушал, но никого не перебивал. Ко мне он подходил много раз, задавал вопросы и каждый раз клал руки мне на плечи, не давая подняться, чтобы отвечать стоя. Его вопросы касались универсальной и нашей дивизионной пушек. Видимо, он сопоставлял их и искал правильное решение. Найти его было нелегко, так как все высказывались только за универсальную, а за нашу Ф-22 — лишь я, Радкевич да Артамонов. После моего второго выступления в третий раз выступил Маханов. Он настойчиво и упорно защищал свою универсальную пушку, заявлял, что от универсализма не отступится. Наконец список записавшихся в прения был исчерпан. Молотов спросил, нет ли еще желающих высказаться. В зале было тихо. Сталин прохаживался, пальцами правой руки слегка касаясь уса. Затем он подошел к столу Молотова.

— Я хочу сказать несколько слов.

Меня очень интересовало, что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатировался уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана уже неоднократно. Казалось, он каждое слово мысленно взвешивает и только потом произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил: «Это вредно». (Думаю, читатель поймет, какую бурю радости вызвало это в моей груди.) Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

— Отныне вы, товарищ Грабин, занимайтесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, — зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать.

Речь была предельно ясной и короткой. Закончив выступление, Сталин пошел в нашу сторону. Когда он поравнялся со мной, к нему подошел Егоров и сказал:

— Товарищ Сталин, мы можем согласиться принять пушку Грабина, только попросили бы, чтобы он сделал к ней поддон для кругового обстрела³.

Сталин спросил меня:

— Можете к своей пушке сделать поддон?

— Да, можем, но он нашей пушке совершенно не нужен.

— Значит, можете?

— Да, можем.

— Тогда и сделайте, а если он не понадобится, мы его выбросим.

— Хорошо, поддон будет сделан.

В это время к нам подошел Радкевич:

— Товарищ Сталин, для того чтобы завод мог уже сейчас начать подготовку производства, хотелось бы знать, ориентируется ли правительство на нашу пушку?

— Да, ориентируется, — ответил Сталин.

<...>

Началось обсуждение доклада. Чувствовалось, многие еще не распрощались с идеей вооружить Красную Армию «всемогущей» универсальной пушкой. Во время выступлений ко мне трижды подходил один из руководителей Советского контроля Хаханян и, горячо шепча на ухо, советовал не тянуть, а выступить как можно скорее: твое, мол, предложение будет решающим, а то много таких выступлений, которые только мешают разобраться в вопросе. Каждый раз я отвечал, что обязательно выступлю, а сам ждал, что скажет «потребитель» — инспектор артиллерии Роговский. Ему обучать личный состав, ему воевать с этой пушкой, а он молчит.

Сталин, расхаживая по залу, внимательно всех слушал. Когда у него возникал вопрос, он, дождавшись конца выступления, оставался возле только что выступавшего и задавал ему вопрос — один или несколько. Получив ответ, продолжал ходить и слушать.

Вдруг вижу: он остановился около Роговского.

— Ваше мнение, товарищ Роговский, о пушке?

Роговский ответил не сразу. Сталин продолжал стоять возле него, ожидая. Роговский заговорил тихо. Он сказал:

— Товарищ Сталин, надо, чтобы Грабин сделал такую пушку, которая при выстреле бы не прыгала. И, второе, для перевозки этой пушки нужны кони весом по сорок пудов.

«Ведь это смертный приговор пушке!» — подумал я.

Роговский стоял и больше ничего не говорил, да и не нужно было говорить, все и так ясно. Ему эта пушка не нужна. Сталин тоже ничего не говорил.

Вот теперь подошла пора говорить мне. А что сказать? Нужно так, чтобы положить оппонента на обе лопатки

Я встал, подошел к Сталину и Роговскому.

— Товарищ Сталин, разрешите мне задать Роговскому вопрос?

— Задавайте.

— Скажите, пожалуйста, товарищ Роговский, какая кучность боя пушки Ф-22 при стрельбе по движущемуся щиту, обозначающему танк, и по местности?

— Хорошая!

— Следовательно, подпрыгивание пушки при выстреле не влияет на кучность боя? Ведь эти прыжки происходят после того, как снаряд покинет канал ствола. Можно спроектировать такую пушку, которая не прыгала бы, но она будет и длиннее и тяжелее.

Затем задал ему второй вопрос:

— Скажите: 76-миллиметровая пушка образца 1902/30 годов какими лошадьми возится?

— Шестеркой, и вес лошади около тридцати пудов.

— При испытании опытных образцов полигон установил, что тяговое усилие на дороге твердого грунта для Ф-22 равно пятидесяти килограммам, а для пушки образца 1902/30 годов — шестидесяти пяти килограммам. Таким образом, если шестерка коней по тридцать пудов хорошо везет эту пушку, то столь же успешно, если не лучше, такие кони справятся с пушкой Ф-22⁴. Ваши опасения, товарищ Роговский, напрасны.

После моего выступления Сталин сказал:

— Вопрос ясен, можно принимать решение.

Правительство постановило принять на вооружение Красной Армии 76-миллиметровую пушку Ф-22 и поставить ее на валовое производство на двух заводах: на нашем и «Красном путиловце».

Несказанно счастливый, я мысленно сожалел лишь о том, что приказали снять дульный тормоз и заменить нашу новую камеру на камеру 76-миллиметровой пушки образца 1902 года. Но не это было сейчас главным (а я приучил себя усилием воли сосредоточиваться на главном), надо, не тратя времени, идти дальше. Ставить на валовое производство Ф-22 и в то же время думать о новой дивизионной 76-миллиметровой пушке.

Увлеченный своими мыслями, я не заметил, как ко мне подошел Сталин. Я встал.

— Товарищ Грабин, почему вы назвали свою пушку индексом «Ф»? Ведь это же пушка ваша, и ей, конечно, следовало бы дать ваш индекс — пушка Грабина

Такого вопроса я не ждал и сильно смутился. Ответил приблизительно так.

— Товарищ Сталин, для создания пушки требуется большой и подготовленный коллектив. Одному человеку это не под силу. Поэтому, чтобы подчеркнуть коллективное творчество, и был принят заводской индекс «Ф».

— Это хорошо, товарищ Грабин, но роль руководителя коллектива велика. Он создает идею, направляет работу коллектива. Поэтому есть основание присвоить пушке индекс руководителя коллектива, то есть Грабина.

— Товарищ Сталин, на совещании конструкторов рассматривался вопрос о заводском индексе. В результате длительного обсуждения пришли к заключению, что следует установить заводской индекс «Ф».

— Значит, такое решение приняли конструкторы?

— Да, товарищ Сталин.

— Это замечательно, что вы опираетесь на коллектив. В этом — ваша сила. Но решение все же можно пересмотреть, тем более что и конструкторы настоятельно предлагали индекс своего руководителя.

— Товарищ Сталин, я бы очень хотел сохранить индекс «Ф».

— Если вы настаиваете, то сохраняйте индекс «Ф»...

Я поблагодарил. Во время этого разговора вокруг нас собрались почти все присутствующие. Сталин пожелал мне успеха и попро-

щался. Все вышли в приемную. Там начались споры. Некоторые осуждали меня, считали, что я вел себя неправильно, некоторые соглашались со мной. Обдумав все происшедшее, я пришел к твердому убеждению, что поступил верно

<...>

Наш завод делал пушки, их принимали, устанавливали в танки, танки уходили в войска. И никто ни слова не говорил о том, что наша пушка не принята на вооружение. Производство тем временем наращивало выпуск орудий, и постепенно стали забываться все страхи и неприятности, предшествовавшие запуску Ф-34 в валовое производство. Спустя некоторое время мы узнали, что военные испытали Кировскую пушку и забраковали ее. После этого они выслали в наше КБ тактико-технические требования на 76-миллиметровую пушку для среднего танка Т-34. ТТТ были точной копией требований, в свое время разработанных нашим же КБ. После того как ГАУ прислало нам ТТТ, и вовсе наступило успокоение. Пушка Ф-34 стала как бы законной. Однако ни ГАУ, ни ГБТУ не только не представили пушку правительству для принятия на вооружение Красной Армии, но и не удосужились дать ей положительную оценку по результатам испытаний.

Развязка этой ситуации произошла уже во время Великой Отечественной войны. С первых недель войны к нам на завод стали поступать хорошие отзывы о пушке. Танк Т-34 с нашей пушкой значительно превосходил фашистский средний танк. «Тридцатьчетверка» быстро стала любимицей Красной Армии. Это нас радовало. В то же время немного беспокоило то, что пушка не оформлена правительственным решением. Пушка-то хорошая, да мало ли что может случиться. А время военное. Нужно было узаконить пушку, но как? Военные учреждения по-прежнему молчали, их представитель беспрекословно принимал у завода все новые и новые партии Ф-34. Однажды случай представился. В начале войны на заседании Государственного Комитета Обороны СССР рассматривались технические характеристики тяжелого танка КВ. Присутствовали не только конструкторы танков, но и артиллерийские КБ, связанные с вооружением танков. КВ подвергся резкой критике. По весу этот танк был недопустимо тяжел, все выступающие требовали значительно снизить его вес. С заключительным словом выступил Сталин. Он сказал:

— Танк слишком тяжел, его не выдерживают мосты, поэтому приходится их обходить, на что тратится много времени. Это недо-

пустимо. Такой танк нам не нужен. Его нужно значительно облегчить. Если это не удастся, тогда следует снять его с производства.

Это и было заданием конструктору танка Котину — переработать конструкцию, снизить вес машины. Во время обсуждения почти все выступавшие, нелестно отзываясь о КВ, хвалили ходовые и огневые качества «тридцатьчетверки». Это дало мне повод для выступления. Когда закончилось рассмотрение вопроса о тяжелом танке, я попросил разрешения дать справку о танковой пушке Ф-34. Сталин разрешил. Я сообщил, что пушка Ф-34 правительством на вооружение Красной Армии не принята.

Всех, кроме начальника ГБТУ Федоренко, мое сообщение ошеломило своей неожиданностью и необычностью — такого еще никогда не было.

Тотчас же после моего сообщения Сталин спросил:

— Как это могло случиться?

Все молчали. Молчал и Федоренко. Тогда Сталин обратился ко мне:

— Товарищ Грабин, расскажите вы.

Я кратко изложил историю вопроса.

— Значит, вы запустили в производство пушку, которая не была принята на вооружение? — уточнил Сталин, когда я закончил.

— Да, товарищ Сталин.

— Это очень смело и рискованно, — заметил он. — А если бы военные пошли на доработку Кировской пушки, тогда что бы вы стали делать?

Я объяснил, почему риск казался нам вполне оправданным

— Следовательно, вы, товарищ Грабин, знали Кировскую пушку не хуже своих? — спросил Сталин и, услышав мой утвердительный ответ, обратился к начальнику ГБТУ: — Скажите, товарищ Федоренко, как войска и лично вы оцениваете пушку Грабина?

— Пушка очень хорошая, танкистам нравится. Это самая мощная танковая пушка в мире. Наш Т-34 господствует на полях сражений.

— Значит, вы считаете возможным принять пушку Грабина на вооружение танка Т-34?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Испытайте пушку Грабина, — распорядился Сталин.

— Будет сделано, — сказал Федоренко.

Нужды в испытаниях Ф-34 не было ни малейшей, так как пушку досконально уже проверили и в условиях полигона, и на фронте. Но Федоренко об этом не сказал, я тоже решил не спорить.

Военные очень быстро сработали. Буквально через два дня на наш завод прибыла комиссия с утвержденной программой испытаний. В программе предусматривалось дать в общей сложности тысячу выстрелов в течение пяти дней. В состав комиссии входили Соркин от ГАУ, Горохов от ГБТУ, Ренне от нашего завода. Кроме того, в испытаниях принимали постоянное участие Муравьев и Мещанинов. За пять суток испытания закончили. Чтобы не задерживать отчет, работали над ним ночами. Через несколько часов после последнего выстрела отчет уже был готов: «Пушка Ф-34 испытания выдержала.»

Так было узаконено инициативное детище нашего КБ.

<...>

По голосу я узнал Поскребышева. Он поздоровался и предупредил, что сейчас со мной будет говорить Сталин.

Волнение усилилось. Значит, случилось что-то важное и не терпящее отлагательства, раз меня разыскали в этот час в Ленинграде. Недолго мне пришлось теряться в догадках.

— Здравствуйте, товарищ Грабин, — услышал я в трубке голос Сталина. — Я хочу с вами посоветоваться. Есть мнение, что тяжелый танк вооружен маломощной пушкой, не отвечающей задачам тяжелого танка. В настоящее время рассматривается вопрос о перевооружении его: вместо 76-миллиметровой пушки предлагается поставить мощную 107-миллиметровую. Хотелось бы знать вашу точку зрения по этому вопросу. Возможно, вам трудно будет оценить это предложение, так как тяжелый танк вооружен вашей 76-миллиметровой пушкой.

— Я готов высказать свое мнение, — ответил я. — Когда нашему конструкторскому бюро ГАУ выдало тактико-технические требования на 76-миллиметровую пушку для тяжелого танка, мы тщательно изучили вопросы, связанные с танками и с их вооружением, и пришли к выводу, что 76-миллиметровая пушка для тяжелого танка неперспективна и даже не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Мы считали, что тяжелый танк следует вооружить более мощной пушкой, снаряд которой пробивал бы броню своего танка с дистанции 1000 метров. Свое мнение мы высказали руководству ГАУ и ГБТУ, но с нами никто не согласился. 76-миллиметровую пушку, заказанную нам, мы создали и установили в танк КВ-1.

— Значит, у вас давно сложилось мнение о недостаточной мощности 76-миллиметровой пушки для тяжелого танка?

— Да, товарищ Сталин.

— Очень жаль, что я раньше не знал об этом. Значит, в настоящее время наши оценки не расходятся. Скажите, пожалуйста, можно ли в тяжелый танк поставить мощную 107-миллиметровую пушку?

— Можно, товарищ Сталин.

— Вы уверены, что мощную 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжелый танк?

— Вполне уверен, что 107-миллиметровую мощную пушку можно поставить в тяжелый танк. Это подтверждается тем, что мы уже установили 107-миллиметровую модернизированную пушку мощностью 385 тонна-метров в танк КВ-2.

Я имел в виду пушку Ф-42, история создания которой уже известна читателю.

— Но танк КВ-2 по конструкции башни мы считаем неприемлемым, — продолжал я. — Габариты башни велики, и по своей форме башня неконструктивна. Такие габариты для 107-миллиметровой пушки и не потребовались.

— Значит, вы утверждаете, что мощную 107-миллиметровую пушку можно установить в тяжелый танк? — повторил Сталин.

Я хорошо знал, что если Сталин задает несколько раз один и тот же вопрос, то это означает проверку, насколько глубоко проработан вопрос собеседником и насколько убежден человек в своем мнении.

— Да, я глубоко убежден, что мощную 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжелый танк, — еще раз подтвердил я. — Если я правильно вас понял, эта пушка по своей мощности должна быть выше 107-миллиметровой модернизированной?

— Вы правильно меня поняли. То, что вы уже имеете опыт по установке 107-миллиметровой пушки в тяжелый танк, прекрасно. Значит, мощную 107-миллиметровую пушку мы установим в тяжелый танк?

— Да, товарищ Сталин.

— Это очень важно, товарищ Грабин. До тех пор пока мы не вооружим тяжелый танк такой пушкой, чувствовать себя спокойно мы не можем. Задачу нужно решать как можно быстрее. Этого требует международная обстановка⁵. Скажите, не смогли бы вы быть завтра в Москве? — продолжал Сталин. — Вы нам здесь очень нужны.

— Слушаюсь, завтра я буду в Москве.

Сталин положил трубку, послышались гудки отбоя. Я продолжал стоять возле стола секретаря обкома, осваиваясь с новой ситуацией.

<...>

В декабре 1941 года на завод приезжал Ворошилов. Целый день мы с ним ходили по цехам, не успели даже пообедать. Клименту Ефремовичу очень нравилось все, что он видел.

— Это вы здорово сделали, молодцы! — похваливал он. А 4 января меня вызвали на заседание ГКО. Вот и представился долгожданный случай, когда можно будет доложить И. В. Сталину о пушке ЗИС-3⁶, а возможно, и показать ее, подумал я. Нужно разрешение наркома Д. Ф. Устинова. Дмитрий Федорович незадолго до того был на заводе и ознакомился с состоянием производства. Он видел, что завод не только выполнит обещанное на декабрь пятикратное увеличение выпуска пушек, но и перевыполнит. К тому же в сборочном цехе он наблюдал за сборкой ЗИС-3. Завод попросил наркома разрешить доставить пушки в Москву, и он незамедлительно разрешил. Ворошилов на заседании ГКО не присутствовал. Заседание Государственного Комитета Обороны сразу превратилось в резкий диалог между Сталиным и мною. Вся наша работа подверглась очень острой и несправедливой критике, а меня Сталин обвинил в том, что я оставляю страну без пушек. Я отстаивал позиции нашего коллектива до последнего.

Атмосферу этого заседания может вполне характеризовать лишь один эпизод. В очередной раз, когда я пытался возразить Сталину и защитить правильность выбранной нами позиции, обычная выдержка и хладнокровие изменили ему. Он схватил за спинку стул и грохнул ножками об пол. В его голосе были раздражение и гнев.

— У вас конструкторский зуд, вы все хотите менять и менять! — резко бросил он мне. — Работайте, как работали раньше!

Таким Сталина я никогда не видел — ни прежде, ни позже.

ГКО постановил: нашему заводу изготавливать пушки по-старому.

В тяжелом и совершенно безнадежном настроении покинул я Кремль. Меня страшила не собственная моя судьба, которая могла обернуться трагически. Возвращение к старым чертежам и к старой технологии неизбежно грозило не только резким снижением выпуска пушек, но и временным прекращением их производства вообще. Вот теперь-то страна действительно останется без пушек!

Ночь я провел без сна в бомбоубежище Наркомата вооружения.

Выполнить приказ Сталина — беда. Но как не выполнить приказ самого Сталина?!

Выхода не было.

Рано утром 5 января, совсем еще затемно, ко мне подошел офицер и предложил подняться наверх, к телефону. Я не пошел: если хотят арестовать, пусть арестовывают здесь. Тяжелая апатия охватила меня, мне уже было все равно. А в том, что меня ждет, я почти не сомневался: мой спор со Сталиным носил — если не вникать в его суть — характер вызова, а квалифицировать это как саботаж или вредительство — за этим дело не станет.

Через некоторое время офицер появился снова.

— Вас просят к телефону, — повторил он и добавил: — С вами будет говорить товарищ Сталин.

Действительно, звонил Сталин. Он сказал:

— Вы правы...

Меня как жаром обдало.

— То, что вы сделали, сразу не понять и по достоинству не оценить. Больше того, поймут ли вас в ближайшее время? Ведь то, что вы сделали, это революция в технике. ЦК, ГКО и я высоко ценим ваши достижения, — продолжал Сталин. — Спокойно заканчивайте начатое дело.

Что же произошло? Ночью, после грозового заседания ГКО, Сталин, по-видимому, созвонился или встретился с Ворошиловым, и тот рассказал ему о наших делах, обо всем, что видел собственными глазами. Но к этой мысли я пришел лишь впоследствии, сопоставив события. А тогда, слыша в телефонной трубке слова Сталина, я сообразил, что сейчас, именно сейчас тот самый подходящий момент, когда можно поднять вопрос о нашей «незаконнорожденной» — о ЗИС-3. Да, это был на редкость подходящий момент. И я подробно доложил о пушке, просил посмотреть ее.

Сталин хоть не сразу, но дал согласие.

ЗИС-3 и Ф-22 УСВ для сравнения были доставлены в Кремль. На осмотр пришли Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены ГКО в сопровождении маршалов, генералов, ответственных работников Наркомата обороны и Наркомата вооружения. Все были одеты тепло, кроме Сталина. Он вышел налегке — в фуражке, шинели и ботинках. А день был на редкость морозный. Меня это беспокоило: в трескучий мороз невозможно в такой легкой одежде внимательно ознакомиться с новой пушкой.

Докладывали о пушке все, кроме меня. Я лишь следил за тем, чтобы кто-нибудь что-либо не напутал. Время шло, а конца объяснениям не было видно. Но вот Сталин отошел от остальных и остановился у щита пушки. Я приблизился к нему, но не успел

произнести ни слова, как он попросил Воронова поработать на механизмах наведения. Воронов взялся за рукоятки маховиков и начал усердно вращать ими. Верхушка его папахи виднелась над щитом. «Да, щит не для роста Воронова», — подумал я. В это время Сталин приподнял руку с вытянутыми пальцами, кроме большого и мизинца, которые были прижаты к ладони, и обратился ко мне:

— Товарищ Грабин, жизнь бойцов надо беречь. Увеличьте высоту щита.

Он не успел сказать, на сколько надо увеличить, как тут же нашелся «добрый советчик»:

— На сорок сантиметров.

— Да нет, всего лишь на три пальца, это Грабин и сам хорошо видит.

Закончив осмотр, который длился несколько часов — за это время все ознакомились не только с механизмами, но даже и с некоторыми деталями, — Сталин сказал:

— Эта пушка — шедевр в проектировании артиллерийских систем. Почему вы раньше не дали такую прекрасную пушку?

— Мы еще не были подготовлены, чтобы так решать конструктивные вопросы, — ответил я.

— Да, это правильно... Вашу пушку мы примем, пусть военные ее испытают.

Многие из присутствовавших хорошо знали, что на фронте находится не меньше тысячи пушек ЗИС-3 и что армия оценивает их высоко, но об этом никто не сказал. Умолчал и я.

<...>

